

Не пропади они пропадом

По некоторым данным, ежегодно в России исчезают около 100 тыс. человек. О том, скольких пропавших удастся найти и кто помогает полиции в поисках, мы беседуем с заместителем начальника отдела организации розыска УООРД УМВД по Тверской области Элеонорой КУЗЬМИНОЙ

— Элеонора Валентиновна, по некоторым данным, ежегодно сотрудники полиции разыскивают более 1 тыс. лиц, пропавших без вести в тверском регионе. Неужели эти шокирующие цифры соответствуют действительности?

— На самом деле заявлений еще больше: в эту статистику не входят представители категории утративших связи с родственниками, которых мы тоже разыскиваем. Поясню, о ком конкретно идет речь. К примеру, 20-30 лет назад супруги развелись, муж переехал в другой город, но остался прописанным в квартире. О нем, может быть, и не вспомнили бы, но возникла необходимость решить какие-нибудь имущественные вопросы — граждане пишут заявление на розыск, хотя человек, по сути, никуда не пропал.

Что же касается тех, кто, как говорится, ушел и не вернулся, то за неполные 9 месяцев текущего года к нам поступило 947 заявлений на розыск пропавших людей, из которых 874 уже найдены. То есть на сегодняшний день остается неустановленным местонахождение 73 человек. Правда, это цифра западающей официальной статистики — мне доподлинно известно, что как минимум 15 из них уже отыскали. В общей сложности число незакртых дел о розыске пропавших в УМВД по Тверской области составляет не более 7% ежегодно.

— Отдельные СМИ отмечают, что в статистике МВД не упоминается, сколько потерявшихся найдено живыми. Это действительно так?

— Действительно, в отчетах такой графы нет, но эти данные тоже отслеживаются. Как правило, 90-95% из всех разыскиваемых сотрудники тверской полиции находят живыми. Что же касается погибших, то чаще всего речь идет о смертях в результате несчастных случаев. Прецеденты, когда пропавший без вести обнаружен мертвым и с признаками насильственной смерти, в нашем регионе единичны.

— На минувшей неделе ГУ МЧС по Тверской области предоставило сведения о заблудившихся грибниках. С начала сентября число потерявшихся в лесах достигло 32 человек. Понятно, что в основном их разыскивают спасатели, но, возможно, и сотрудникам полиции приходится присоединяться к лесным рейдам?

— Безусловно, приходится, и не только нам и МЧС. В поиске грибников и ягодников задействовано очень много сил: это и лесничества, и охотничьи хозяйства, и бригады, которые обслуживают электросети, нефтепроводы, воинские части и т.д. Конечно, большую помощь оказывает население соседних с лесом деревень, то есть ищем всем миром. Признаться честно, розыск заблудившихся в лесу — это настоящая головная боль для всех, кто в

нем участвует. Начиная с июля и вплоть до ноября, пока последняя клякwa с болот не исчезнет, не проходит и недели, чтобы не появилось новое заявление. Причем теряются в подавляющем большинстве люди преклонного возраста, и понятно, что 2-3 дня в лесу им не пережить. Был, конечно, в прошлом году случай, когда бабушка старше 80 лет плутала по лесу 5 суток и вышла потом живая и невредимая. Но это уже исключение. К счастью, в подавляющем большинстве грибки находят еще до того, как их жизни начинает что-то угрожать.

— В мае этого года уполномоченный по правам ребенка в РФ Павел Астахов заявил, что за год в России пропадают 55-52 тыс. детей. Из них, по его словам, 10-12 тыс. остаются найденными. А сколько детей пропадает в тверском регионе?

— За эти 9 месяцев у нас было 344 заявления на розыск несовершеннолетних. Меньше половины из них, а именно 122, касалось так называемых бегунков — сбежавших воспитанников детских домов, приютов и школ-интернатов. Понятно, что они не пропадают без вести, просто детям не нравится место жительства, условия содержания. Есть такие случаи, когда один и тот же ребенок успевает за год сбежать 6-8 раз. Если же говорить о тех, кто ушел из дома, то их было 222 за 9 месяцев. Не найдены из них двое, но это из серии наших «постоянных клиентов». Они даже выходят с родителями на связь, но домой не возвращаются. Очень много нелепых побегов: ребенок двойку в школе получил, его отругали, он убежал, а потом побоялся вернуться, потому что дома не ночевал. Но, к счастью, такие «беглецы» далеко не уходят. Это интернатских можно искать хоть в Москве, хоть в Санкт-Петербурге — им интересно и не страшно поехать даже на край света. Впрочем, в тверском регионе и такие случаи единичны. Ведь большая часть попадает в интернат потому, что их отца и мать лишили родительских прав. А ребенку абсолютно все равно, является ли его семья

Элеонора КУЗЬМИНА, заместитель начальника отдела организации розыска УООРД УМВД по Тверской области:

— Мы оккультными услугами не пользуемся, тем более официально. Но к экстрасенсам нередко обращаются родственники разыскиваемых. Я допускаю, что есть люди с какими-то сверхспособностями и несколько не умаляю их достоинств, но не припомню, чтобы хоть раз тверские экстрасенсы точно указали, где искать пропавшего.

Молодежь у нас инициативна, людям хочется что-то изменить, они подходят к проблеме со своим свежим взглядом. Надеюсь, что этот взгляд найдет свое отражение и в нашей работе.

— А где, по-вашему, новый подход необходим в первую очередь?

— Есть ряд неболевших вопросов, которые, казалось бы, нетрудно решить, но они годами не снимаются с повестки дня. Например, только недавно нам удалось добиться того, чтобы в интернатах и детских домах были сделаны фотографии всех воспитанников — раньше их попросту не было. Или опять же что касается беспризорников: допустим, живет ребенок в школе-интернате, отца никогда не видел, мать умерла, нужно оформлять его официальный статус — сирота он или нет. И мы получаем следующие сведения: отцом является некий Иван Иванович, когда ребенок родился, ему было около 30 лет. Кого искать в таком случае? Я считаю, что если несовершеннолетний поступает в детский дом, надо собирать о нем и его родителей максимально полную информацию.

— Возвращаясь к вопросу о помощи со стороны общественности: например, известная телепрограмма «Жди меня» помогает в решении проблемы или это не более чем хорошо срежиссированное шоу?

— По большому счету, я считаю, это, конечно, шоу, но не исключено, что в других регионах передача реально помогала кого-то найти. Мне кажется, что в «Жди меня» все-таки акцент делается на розыск лиц, утративших связь с родственниками, — их легче найти. А если человек ушел в лес и пропал без вести, вряд ли тут поможет телепрограмма. На мой взгляд, «Жди меня» дает другой положительный эффект: работая как некий информационный центр, она способствует обмену сведениями и побуждает неравнодушных людей со всей страны оказывать помощь в розыске.

— Раз уж мы заговорили о телевидении. Уже не первый месяц на одном из телеканалов идет проект, в котором расследования, если можно так выразиться, ведут экстрасенсы. Насколько нам известно, в некоторых регионах сотрудники МВД официально обращаются за помощью к астрологам, гадалкам, предсказателям и т.п. У вас в практике не было подобного опыта?

— Мы оккультными услугами не пользуемся, тем более официально. Но к экстрасенсам нередко обращаются родственники разыскиваемых. Я допускаю, что есть люди с какими-то сверхспособностями и несколько не умаляю их достоинств, но не припомню, чтобы хоть раз тверские экстрасенсы точно указали, где искать пропавшего. Тем не менее любые зацепки, пусть и необъяснимые с точки зрения логики, мы всегда проверяем. В начале 90-х была история, когда пропала молодая женщина, и наши сотрудники обратились к человеку, который называл себя доктором: этот «доктор» описал место, где находится ее труп, сказал, от чего умерла... Когда через 2 года были обнаружены ее останки, совпадений выявилось очень много. Но опять-таки точного места на карте этот экстрасенс не указывал.

— Бытует мнение, что поиск пропавших сотрудники правоохранительных органов начинают только через трое суток после исчезновения разыскиваемого, а дела открывают, мягко говоря, неохотно, якобы опасаясь «висяков». Это правда?

— Ни в одном законе не сказано, что должно пройти трое суток. Мы заявление принимаем даже в день исчезновения. Я понимаю, что встречаются нерадивые сотрудники, но для Тверского УМВД это, скорее, исключение. Если подобное отношение со стороны сотрудников выявляется, то начинаются очень серьезные проверки и к ним принимаются меры дисциплинарного воздействия.

— Два года назад все СМИ муссировали историю о мальчике, пропавшем в 2000 году в Башкирии — его нашли уже 16-летним юношей, живым и невредимым. В Тверской области не было подобных «чудесных возвращений»?

— Не сказала бы, что были «чудесные» возвращения, но интересные истории случались. Например, в 2005 году к нам обратилась женщина, у которой пропал гражданский муж — ушел на работу и исчез. Врагов у него не было, денег, из-за которых могли бы убить, тоже. Завели дело, начали «копать» — он как в воду канул: ни в районе, ни во всей Тверской области никто о нем не слышал. И тут выясняется, что пропавший гражданин уже 8 лет как признан судом умершим — его, оказывается, уже искали в другом регионе, но так и не смогли найти. Если бы поиски затянулись еще на пару-тройку месяцев, человека пришлось бы еще раз признать умершим, но в 2010 году мы его нашли в Санкт-Петербурге, где он до сих пор живет и здравствует с новой семьей.

Елена ЛАЗУТКИНА